

УДК 81'373
UDC 81'373

Шипановская Людмила Михайловна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Ludmila M. Shipanovskaja
Amur State University Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: lshipanovskaya@mail.ru

**О РУССКО-МАНЧЖУРСКОМ ВАРИАНТЕ КОНТАКТНОГО
ЯЗЫКА В СТАРОМ БЛАГОВЕЩЕНСКЕ (К ВОПРОСУ
О ВАРИАНТАХ КОНТАКТНЫХ ЯЗЫКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ)
RUSSIAN-MANCHU VERSION OF THE CONTACT LANGUAGE
IN OLD BLAGOVESHCHENSK (ON THE VARIANTS OF CONTACT
LANGUAGES IN THE FAR EAST)**

Аннотация

В статье представлены данные исследования, подтверждающие гипотезу о функционировании в г. Благовещенске (Амурская область) в начальный период его истории русско-манчжурского контактного языка, возникшего в результате коммуникации пришлого (русского) и аборигенного (манчжурского) населения. В ней приводятся факты объединения в языковой структуре регионального контактного языка русских и манчжурских лексических единиц.

Abstract

The current article discusses the data that prove the hypothesis of Russian-Manchu contact language functioning in the city of Blagoveshchensk (the Amur region) at the beginning of its history as a result of communication between new-coming Russians and native Manchu population. Evidences of regional Russian and Manchu lexical units mergers in the language structure are demonstrated.

Ключевые слова: контактный язык, региональный вариант контактного языка, русско-манчжурское «наречие».

Keywords: contact language, regional variation of a contact language, Russian-Manchu «dialect».

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_109_119

1. Введение

Свидетельства о *русско-манчжурском варианте контактного языка в старом Благовещенске (вторая половина XIX в.)* дошли до нас в виде упоминаний в путевых заметках и мемуарах, иногда в художественной литературе в качестве цитат при изображении речи инородцев. Сведе-

ния о нём весьма кратки. Но тем не менее, они позволяют идентифицировать его как особую разновидность контактного языка, которая предшествовала русско-китайскому пиджину.

Один из путешественников того времени, первый писатель-эвенк, этнограф, Г. Т. Муров (По русскому Дальнему Востоку. Их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1. М., 1910 г.) так описывает старый Благовещенск, улицы города, уличные сценки:

«28 марта, 6 часов утра. Сижу у окна и наблюдаю пробуждение городской жизни. Вон бабы и мужики, с заспанными физиями кое-где отворяют окна домиков. Раздается свирель пастуха, и почти из каждого двора выгоняют коров. В полчаса их набирается громадное стадо. Пастух угнал свое стадо и улицы пока опустели.

7 часов. Идут дамы-хозяйки на рынок. Туда же спешат бабы с корзинками, по-видимому, прислуга. Через полчаса или час они проходят обратно.

8 часов утра. Проходят мужчины в фуражках, с кокардами и в шляпах, дети-ученики и ученицы, с сумками и книжками. Первые на службу, в канцелярии или в магазины, последние в школы...

Являются маньчжуры с корзинами на коромыслах. «Луккка»... «Луккка»... горланят они. Кое-где их останавливают и покупают... «Ардис»... «Ардис»... «Лыба»... «Лыба»... горланят они, проходя мимо» [История ..., 2009 б, с. 266–267].

Д. И. Стахеев (За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1879 г.) [История ..., 2009 б, с. 266–267], приехавший на Амур в 1861 году, писал об этом времени:

«В Благовещенске, каждый месяц две недели продолжается маньчжурская ярмарка... Начинаясь обыкновенно с 9 часов утра; десятки разнообразных, более или менее фигурных лодок приставали к русскому берегу. *Маньчжуры* выгружали свои товары и таскали их на ярмарку на своих собственных плечах. *Нойон* (чиновник) ударял несколько раз в бубны, и ярмарка с этого момента считалась открытой. Ехали городские барыни, большею частью жены чиновников и офицеров, закупать провизию; шли казаки и поселенцы, кто за мукой, кто за табаком или *араккой*; появлялась в толпе народа, присущая исключительно только Амурскому краю, обдерганная, оборванная, грязная и пьяная фигура казака-сынка, получившего на Амуре звание *гольтипака*. Торговля начиналась. Маньчжуры беспокойно поводили глазами, стараясь поймать значение русских слов, размахивали руками, показывая пальцы и безжалостно ломали и коверкали русские слова, перемешивая их со своей родной речью.

– *Анда!* (друг) – говорил, пошатываясь, гольтипак, протягивая руку к папушке табаку.

– *Шолоро!* (Уйди) – кричал маньчжур, махая руками, – *шолоро! Лаканча* (худо)!

– Сколько пятаки? – бормотал пьяный. бессмысленно выпучивая осоловевшие глаза.

– *Шолоро! Мангу ачи ты* (Денег нет у тебя), – снова кричал маньчжур, выпроваживая пьяного гольтипака из своей лавчонки...

Торговались покупатели таким образом: поселенец подходит к лавке и высматривает, что ему нужно, потом берет известный продукт в руки и показывает его маньчжuru. Манчжур поднимает пальцы кверху, означая ими количество пятков, требуемое им за покупаемую вещь.

– Пять пятков што-ли тебе? – спрашивал поселенец, поднимая всю ладонь кверху.

– *Айя! Айя!* (Хорошо!) – кричал весело маньчжур от радости, что его поняли...;

«... на берегу начала собираться толпа; появились купцы; за ними следом маньчжуры, слышался разговор.

– Что же вы, берете у меня рубли-то? – спрашивал купец.

– *Модонэ ачи* (не понимаем), – отвечали маньчжуры.

– Рубли, рубли, – объяснял купец и, соединив большой палец правой руки с указательным, изобразил кружком серебряный рубль.

– *А, анда, модонэ* (а, друг, поняли), тута десяти тысяча есь! – закричали маньчжуры...».

Приведённые образцы речи маньчжуров и русских свидетельствуют о том, что в ходе общения, когда у собеседников нет общего языка, для решения коммуникативных задач появляется особое средство общения, которое исследователи называют **к о н т а к т н ы м я з ы к о м**.

2. Анализ исторических материалов

Анализируемые материалы по истории Благовещенска позволяют сделать наблюдения о формировании языка города. Известно, что язык города представляет собой сложное многоуровневое образование. В нём причудливо сочетаются и кодифицированный литературный язык, и различные «нестандартные» формы русского национального языка: территориальные и социальные диалекты, жаргоны, просторечие, маргинальные типы языка и так далее. Сложность и многоуровневость такого образования, как язык города, обусловлена неоднородностью состава его населения. Так было и на начальном этапе истории г. Благовещенска.

В начальный период истории г. Благовещенск население города было «пёстрым». Здесь складывался региональный облик языковой культуры нового провинциального города, который включал в себя русскую литературную речь второй половины XIX в., разговорно-обиходную речь, просторечие, диалекты, жаргоны, арго, элементы «языка» местного населения: казаков, крестьян переселенцев, солдат, офицеров, священнослужителей, чиновников, ссыльных, купцов и прочих. Все они по-разному участвовали в коммуникации.

Так, анализируемые материалы свидетельствуют о том, что здесь был «очень распространён тип, так называемых, «приискателей золота» или «старателей», которые, за известный куртаж, отправляются в зимнее время в тайгу, на розыски золотоносных месторождений, У таких «приис-

кателей» свой жаргон или, вернее, свои особые выражения и даже они носят особый костюм: необычайно широкие шаровары и вокруг пояса и груди огромный широкий шарф, обматываемый плотно вокруг тела. Одежда эта необыкновенно пёстрая (красная с чёрным или жёлтая с зелёным и проч.) и делается часто из шёлка, а потому стоит довольно дорого» [История ..., 2009 б, с. 182].

Не менее был распространён среди обывателей города и карточный жаргон: «В городе процветала карточная игра. Преимущественно азартная, Даже в клубе резались в штос под оригинальной вывеской. На стене висел отпечатанный в типографии список разрешённых в клубе игр. В числе таковых был «фаллаш». Игры под таким названием никогда и нигде в мире не существовало. Когда в типографии печатался список, «фаллаш» появился из «ералаша», игры дозволенной. Наборщик прочёл в рукописи «ер» как «ф». Этой ошибкой воспользовались господа члены клуба и еженощно просиживали за карточными столами за очень азартной игрой в штосс, проходившей под псевдонимом «фаллашка» [История ..., 2009 б, с. 135]. Упоминаются там же и другие картёжные термины: «накладка», «насыпные очки», «передержка», «гильотинка» и под.

Характеризуя языковую ситуацию, сложившуюся в городе в начале его становления, можно отметить сосуществование на этой территории не только разных вариантов общенационального русского языка (литературный язык, диалекты, просторечие, жаргоны), но и языков и диалектов коренного тунгусо-маньчжурского населения (маньчжуров, дауров, дючеров, манегров и др.), китайского языка и его северо-восточных диалектов, языков прищлого неславянского населения, составляющих незначительный процент (евреев, грузин, японцев, корейцев и др.).

Приведённые выше образцы речи, записанные Д. И. Стахеевым, прожившим в городе Благовещенске более двух лет, свидетельствуют о функционировании здесь литературного русского языка и диалектной речи переселенцев из разных губерний Европейской части России, Сибири, Дальнего Востока и контактного языка в виде русско-маньчжурского наречия.

Д. И. Стахеев пристально вглядывался и вслушивался в окружающую его речь, анализировал происходящие события, встречи с разными людьми, записывал сведения о жизни различных слоёв населения города и его окрестностей. Весь этот материал впоследствии вошёл в книгу под названием «За Байкалом и на Амуре», опубликованную в Санкт-Петербурге в 1869 году. В частности, в этой книге в главе «От Благовещенска до р. Сангари» есть прямое указание на существование в этом регионе русско-маньчжурского наречия (здесь и далее подчёркивание наше – Л. Ш.): «Мы подъезжали к городу. На берегу тотчас же появились манчжуры с предложением рыбы, яиц, табаку листового и проч. Манчжуры в щирокорукавых кафтанах возились около рыболовных сетей; завидя нас они оставили свои работы и с любопытством всматривались в нашу лодку, приложив руки к глазам в виде зонтика.

– Анда! Ры-ы-ба! Анда-а! Купи-и! – неслоь с берега.

– Яичка-а! Таба-а-ки!...

Мы причалили к берегу, и пошёл разговор на только что начинающемся слагаться русско-маньчжурском наречии. Говорящие на этом наречии всего более употребляют в дело руки, глаза и всего менее язык. Мой рулевой задумал купить табак и подошёл к маньчжур, который давно держал в руках несколько папушек и ждал покупателя.

– Ну, – говорил рулевой, тыкая пальцем в табак.

– Ая! Ая! (хорошо) плиятер! – заискивающим тоном залепетал маньчжур и умильно взглядывал на покупателя.

– Чего ая? Эх ты! – сердился рулевой, – говори, почём?

– Плиятер...а-а! ая! – снова вытягивал маньчжур.

– Русским тебе языком-то говорю, дубина, говори, почём табак!

– А! Табаки! А-а! Изволя...Тута!

И маньчжур показал в воздухе два пальца.

– Два пятака что-ли? ну?

– А-а! тута...

И снова два пальца завертелись перед глазами рулевого.

Рулевой вынул из кармана два пятака и показал маньчжур. Маньчжур запрыгал, замотал головой и смеялся довольный тем, что они друг друга поняли.

– А-а! Плиятер! Изволя-я! Табаки...ха!ха!ха!...

Торг кончился, мы пошли в лодку...» [История ..., 2009 б, с.78–79].

Образец диалога купли-продажи демонстрирует процесс включения собеседников (русского и маньчжура) в коммуникацию. Коммуникация складывалась на звуковой, грамматической, лексической основе русского и маньчжурского языков, жестикюляции и других кинетических средств. В диалоге присутствуют многие микрокомпоненты описываемой ситуации: установление контакта, называние товара, обсуждение цены, расчёт, завершение контакта. Звуковые, лексические и грамматические средства в речи маньчжура стандартны, ограничены.

Если и рассматривать такие образцы речи как непрофессиональную запись звучащей речи на слух, что вполне вероятно, всё-таки игнорировать такой материал нельзя. И вот почему. Тунгусо-маньчжурские народы были коренным населением Приамурья. Это известный факт. Маньчжурского населения в первые годы становления города было много и в районе «маньчжурского клина», и в Сахальяне (старое название г. Хэйхэ), откуда они каждый месяц в течение двух недель приезжали на маньчжурские ярмарки. «Благовещенские купцы вели с манжурами дела и отдельно от ярмарочной торговли... Купцы закупали у маньчжур большими партиями быков, муку и пр., сплавляли означенные продукты вниз по Амуру до Николаевского порта... Кроме торговли с купцами, маньчжуры закупают много скота в казну и получают за это звонкой монетой» [История ..., 2009 б, с. 57].

П. А. Кропоткин, князь, географ и геолог, в 1863 году побывал в Благовещенске и писал о значении маньчжуров для города: «Маньчжуры донельзя нужны для Благовещенска; право, как просуществовал бы Благовещенск без них. Они всё доставляют, что нужно, особенно при своей

любви к торговлишке; да, наконец, у них есть всё-всё можно купить...» [История ..., 2009 б, с. 93].

В начале становления города маньчжурское население вокруг него было «довольно густым» [История ..., 2009 б, с. 96–97], «...в окрестностях Благовещенска сгруппировалось маньчжурское население» [История ..., 2009 б, с. 95]. «Окружённый таким густым маньчжурским населением из превосходных земледельцев, поставленный рядом с Айгуном, ... Благовещенск, конечно, составляет одно из лучших мест на всём Амуре» [История ..., 2009 б, с. 97]. Такие сведения сообщаются почти всеми исследователями, посетившими город Благовещенск в 60–80 гг. XIX в.

Исторические исследования отмечают: «После 1858 года количество поселений и численность жителей в Зазейском крае («маньчжурский клин») постоянно увеличивались. Это говорит об активных внутренних (переселение зазейцев на новые места) и внешних (переселение в край жителей Северного Китая и Маньчжурии) миграционных процессах. Приток китайского населения в Зазейский край из малоземельных провинций Китая значительно увеличился после 1878 года, когда были сняты ограничения на переселение китайцев в Маньчжурию» [Усова, 2005, с. 11].

В указанный период времени сформировались условия для возникновения русско-маньчжурского контактного языка между славянским населением и маньчжурами, которых было много. Следует признать, что необходимость его существования была. Как указывалось выше, он использовался в устной, разговорной форме, чаще в ситуациях купли-продажи.

Последующие исторические события в Китае (до и после 1900 года) способствовали сокращению и утрате русско-маньчжурского контактного языка. К концу XIX он начал вытесняться другим контактным языком – русско-китайским, определяемым как русско-китайский пиджин: «... в Приамурье во второй половине XIX в. активно функционировал неофициальный контактный язык для общения русского (шире – славянского) и китайского (а также маньчжурского и автохтонного) населения края в ситуациях торговли и прочих деловых отношений. Этот язык по своему типу является пиджином, условно определяемым нами как русско-китайский» [Языковая ..., 2014, с. 26].

Н. Г. Гарин-Михайловский, известный русский писатель, инженер-путеец, предпринявший в 1898 году путешествие на Дальний Восток и побывавший в Благовещенске, отмечал, что уже в этот период «...культуру маньчжур бесспорно сменила китайская стойкая, всё выносящая культура. Последние вольности маньчжуров отбираются одна за другой, и некогда всесильная родина последней династии, теперь она только ничтожная провинция в сравнении с остальным громадным Китаем... Маньчжуры напоминают наших казаков Сечи. Такие же бритые, с длинными усами, мужественные и мрачные. Но их теперь уже так мало, как и зубров Беловежской пуши. Всё проходит...» [История ..., 2009 б, с. 160–161].

Конкуренция между маньчжурами и китайцами в этом регионе была всегда и в конечном счёте разрешилась в пользу китайцев. Между теми и другими, по замечаниям путешественников, существовала неприязнь.

В частности, у того же П. А. Кропоткина есть следующее замечание: «Вообще их (маньчжуров) набивается всегда много на пароходы, они бесцеремонно забиваются в каюты, жмут руки сидящим в ней, приговаривая обычное «*мунду*», и, закупив свои *ганзы* с вонючим табаком и беспрестанно отплёвываясь во все стороны, сидят хоть бы только для того, чтобы посмотреть на то, что мы делаем. Если на столе лежат перо и бумага, то кто-нибудь из гостей садится писать, или, если умеет, то и рисовать, причём, перо, конечно, оказывается неудобным, и он достаёт свою кисть. Обычно рисунок изображает какого-нибудь важного маньчжура, с страшными глазами никана (китайца), которых они, по-видимому, недолюбливают» [История ..., 2009 б, с. 96].

Маньчжуры испытывали притеснения и со стороны русских. Так, в 60-е годы XIX в., когда епархия была перенесена в Благовещенск, «для строительства комплекса зданий епархиального управления было выбрано место на берегу Зеи, в четырёх верстах от Благовещенска, в берёзовой роще, с зарослями орешника (в настоящее время это территория судостроительного завода)» [История ..., 2009 а, с. 101]. На этой территории была маньчжурская деревушка, но место понравилось архиепископу, и маньчжуры были изгнаны с насиженного места.

Между тем, как отмечали некоторые авторы, относительно маньчжурского населения в Благовещенске и его окрестностях нужно было «поступать благоразумно: не трогать их, не делать переписи, чтобы не встревожить их и не заставить внезапно переселиться на китайскую сторону, что весьма возможно и вероятно...,они ознакомятся с русскими, и тогда сами не пожелают находиться в китайском подданстве и останутся на нашем берегу, увеличивая население трудолюбивым и очень честным, по словам казаков, народом», – писал П. А. Кропоткин [История ..., 2009 б, с. 97].

Анализируя образцы русско-маньчжурского «наречия», можно выделить в нём лексические элементы именно маньчжурского языка, а не китайского, отмеченные в русско-китайском пиджине [Оглезнева, 2007]. Например: *ай би* – «у меня нет ничего»; *аньда* – «друг, приятель, товарищ, компаньон, дядька – так называют царевичи и дети вельможей своих приставников, губернёров» [Захаров, 1875, с. 15]; *арака* – «водка», арки – «водка, хлебное вино, арак» [Захаров, 1875, с. 54]; *амбань* (русифицированное диалектное *анбань*) – «правитель города, округа» [Захаров, 1875, с. 42]; *айя* – частица в значении «хорошо, ладно»; *амба*¹ – «великий, большой, огромный» [Захаров, 1875, с. 42]; *байнигэ* – «куда?»; *буда* – «просо» [Захаров, 1875, с. 197]; *гусайда* – от *гуса* «маньчжурский корпус войск», *гусайда* – «один из высших воинских чинов, полковник»; *ганзы* – «маленькие медные трубки, насаженные на тонкий чёрный чубук в поларшина и мундштуком из какого-то сероватого камня» [Захаров, 1875, с. 865]; *гячжань* – «телохранитель князя, состоящий в свите князя» [Захаров, 1875, с. 373]; *дзянь-дзюнь* (*дзянь-цзюнь*) – «военный губернатор и командующий войсками в Цинской империи»; *импань* – «укрепление»; *куру, хуру* (*кур-ган*) – «холм, бугор, возвышенность» [Захаров, 1875, с. 296]; *курумэ* (русифи-

фицированное *курма*) – «верхняя одежда, надеваемая сверх долгого кафтана, длиною до колен, полукафтан; женская одежда с широкими рукавами» [Захаров, 1875, с. 296]; *майгала* (*мангала*) – «просьяная водка с скверным запахом»; *ниман* – «козёл (общее название козла и козы), вонючий баран» [Захаров, 1875, с. 233]; *нойон* (из монг.) – «господин, князь, в Цинской империи титул нойон применялся как собирательное наименование чиновника (государственного служащего)»; *хэнкэ* (русифицированное *ханька*, *ханьки*) – «сахарная дыня» [Захаров, 1875, с. 229]; *хотон* – «город»; *хутун* – «глухой, непроездный переулочек» [Захаров, 1875, с. 531]; *шушу* – «кукуруза, маис» [Захаров, 1875, с. 1012] и многое другое.

Отметим, что и в других тунгусо-маньчжурских языках (по данным «Нанайско-русского словаря», «Эвенкийско-русского словаря» и др.) имеются многие из перечисленных выше слов и выражений в тождественном значении. Ср: анда – обращение к равному себе по возрасту «друг, приятель, подруга, подружка, товарищ», андар – с тем же значением; амба – «злой дух, чёрт», араки – «водка»; ая – частица в значении «ладно», «хорошо» и подобные. [Оненко, 1980, с. 42, 36, 46, 52].

Контактирование русского и маньчжурского населения и их языков в начальный период освоения русскими левого берега р. Амур напоминает нынешнюю ситуацию в приграничном г. Хэйхэ, в котором многочисленны рекламные вывески на русском языке, и в г. Благовещенске, где также в рекламе используются вывески на китайском языке.

Учёными, путешественниками, посетившими Амурскую область в XIX – начале XX вв., также отмечалась традиция использовать русский язык в различного рода названиях магазинов, ресторанов и так далее у маньчжурского и китайского населения на правом берегу Амура в г. Сахалине. Так, в воспоминаниях В. Ф. Семёнова (профессора Томского университета, автора более 30 научных работ), посетившего Амурскую область летом 1908-го года отмечаются факты такого рода. Во время своей научной экспедиции (с 22 мая по 31 июля 1908 года) он вёл рукописный дневник, который хранится в фондах Амурского областного краеведческого музея. В дневнике, в частности, есть следующая запись: «...13.07.08. ...решил побывать в китайском городе Сахалине, расположенном на правом берегу Амура против верхней (считая по течению) части Благовещенска...

Часть города, выходящая на берег Амура, состоит исключительно из новых деревянных построек, типа русских базарных балаганов и дощатых домиков, с тесовыми крышами. На каждой постройке вывеска: «Ресторан Пятигорск», «Трактир Кавказ», «Японская харчевня», «Трактир загородное свидание» и т. п. Чаще же: «Торговля вином и спиртом», «Вина Торговля». Всюду на выставке, на всех полках – жестянки (в пять бутылей) со спиртом, бутылки с русскими и заграничными винами, водками, наливками, коньяками. Торговцы в этих «Винах торговлях» почти все евреи и кавказцы..., есть и китайцы. Пьют же главным образом русские, приезжающие сюда в большом количестве по праздникам...» [История ..., 2009 б].

3. Заключение

Резюмируя наблюдения над описанными выше фактами, характеризующими языковую ситуацию в городе Благовещенске во второй половине XIX века, можно сказать, что она не была стабильной и изменялась под воздействием разных факторов, экстралингвистических и собственно лингвистических. Различные социальные обстоятельства (экономические и др.) в начальный период существования города способствовали и формированию специфической культурно-языковой среды, и формированию контактных языков пришлого славянского населения с местным. Примеры такого языкового взаимодействия многочисленны, лингвистически интересны, поскольку демонстрируют, с одной стороны, универсальные тенденции складывания и развития языковых ситуаций в пределах всего государства, а с другой – своеобразие региональной языковой ситуации в пределах определённого географического пространства, в данном случае города Благовещенска и прилегающих к нему территорий.

Можно привести и другие факты, косвенно и прямо свидетельствующие о наличии именно маньчжурского, а не китайского языка в середине XIX века на территории будущего города Благовещенска.

1. В свите Н. Н. Муравьёва-Амурского в составе российской делегации по дипломатической части были прежде всего переводчики с маньчжурского, а не китайского языка, в частности Я. П. Шишмарев.

«Шишмарев Яков Парфентьевич, окончил русско-монгольскую школу в Кяхте, изучал китайский и маньчжурский языки у преподавателя Кяхтинской школы переводчиков Кондрата Григорьевича Крымского, бывшего студента 10-й Русской Духовной Миссии в Пекине (1821–1830 гг.). В 1857–1858 гг. Шишмарев служил у Муравьёва-Амурского; в 1860 г. участвовал в подписании Пекинского договора; затем он – консул в Урге, где также ведал школой переводчиков и толмачей маньчжурского и монгольского языков. Там же всем воспитанникам преподавался и китайский язык» [Fictionbook.ru].

2. На приёме у маньчжурского амбана в Айгуне Н. Н. Муравьёв-Амурский «предъявил своё полномочие, написанное на русском и маньчжурском языках, которым объявлялось, что ему, генерал-губернатору Восточной Сибири, поручено от русского правительства вести переговоры...» [История ..., 2009 б, с. 37].

3. Трактат о присоединении левого берега Амура также был подписан на двух языках – русском и маньчжурском: «Затем началось подписывание тракта на русском и маньчжурском языках – генерал-губернатором, Дзянь-Дзюнем, Перовским, Амбаном, Шишмаревым, Айжиндаем. После подписи генерал-губернатор и Дзянь-Дзюнь взяли каждый в одну руку по два подписанных экземпляра на русском и маньчжурском языках...» [История ..., 2009 б, с. 40].

Таким образом, странным было бы отрицать и не замечать явных фактов существования и функционирования на территории старого г. Благовещенска контактного языка-русско-маньчжурского «наречия». Та-

кие формы контактирования, как отмечают исследователи, временны и недолговечны. «Если контингент говорящих на препиджине (русско-маньчжурском «наречии») непостоянен, а потребность в его использовании возникает лишь от случая к случаю, он не достигает стабилизации и редко может существовать длительное время» [Беликов, 2001, с.119].

Список литературы

1. Беликов, В. И. Социоллингвистика : учебник [Текст] / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. – 437 с.
2. Венюков, М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии [Текст] / М. И. Венюков. – Хабаровск : Дальгиз, 1952. – 304 с.
3. Захаров, И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. [Текст] / И. И. Захаров. – Типография Императорской Академии Наук, 1875 г. – 1232 с.
4. История Благовещенска. 1856–1917 (в 2-х томах). Серия «Благовещенск. Из века в век». Том 1 [Текст]. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», Благовещенск-на-Амуре, 2009 а. – 464 с.
5. История Благовещенска. 1856–1917 (в 2-х томах). Серия «Благовещенск. Из века в век». Том 2 [Текст]. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», Благовещенск-на-Амуре, 2009 б. – 496 с.
6. Оглезнева, Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социоллингвистического анализа [Текст] / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2007. – 264 с.
7. Оненко, С. Н. Нанайско-русский словарь [Текст] / С. Н. Оненко / Сиб. отделение АН СССР. Ин-т истории, филологии и философии. Под ред. В. А. Аврорина. – М. : Рус. яз. 1980. – 552 с.
8. Усова, А. В. История китайцев, маньчжуров и дауров Зазейского края во второй половине XIX века : автореф. дис... канд. ист. наук 07.00.03 / Усова Анастасия Викторовна ; Ин-т Дальнего Востока Российской Академии Наук. – М., 2005. – 24 с.
9. Языковая ситуация на Дальнем Востоке и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) [Текст] / А.В. Блохинская, С. В. Гордеева, Е. В. Касимова, Е. А. Оглезнева, Цзян Ин. / под. ред. Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2014. – 156 с.
10. Fictionbook.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fictionbook.ru/author/petr_kuzmich_kozlov/tibet_i_dalayi_lama_mertvyiyi_gorod_hara_hoto/read_online.html?page=7

References

1. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow : Russian State University of Humanities, 2001.
2. Venjukov, M. I. (1952). *Puteshestvija po Priamur'ju, Kitaju i Japonii* [Traveling in the Amur Region, China, and Japan]. Khabarovsk : Dal'giz.
3. Bohinska, A., Gordeyev, S. V., Kasimova, E. V., Oglezneva, E. A., Jiang Ying. *Jazykovaja situacija na Dal'nem Vostoke i prigranichnoj territorii (na materiale rossijskogo Priamur'ja i provincii Hejlunczjan, Kitaj)* [Language situation in the Far East and border areas (based on the Russian Amur region and Heilongjiang

- province, China)]. Ed. By E. A. Oglezneva. Blagoveshchensk : Amur State University Press, 2014.
4. Zakharov, I. I. (1875). *Polnyj man'chzhursko-russkij slovar'* [A Complete Manchu-Russian dictionary]. Typography of Imperial Academy of Sciences.
 5. Istorija Blagoveshhenska. 1856–1917 (v 2-h tomah). Serija «Blagoveshhensk. Iz veka v vek» [The History of Blagoveshchensk. 1856–1917. In 2 volumes. Series "Blagoveschensk. From century to century"]. (2009). Volume 1. Blagoveshchensk : JSC "Amur fair", Blagoveshchensk-on-Amur.
 6. Istorija Blagoveshhenska. 1856–1917 (v 2-h tomah). Serija «Blagoveshhensk. Iz veka v vek» [The History of Blagoveshchensk. 1856–1917. In 2 volumes. Series "Blagoveschensk. From century to century"]. (2009). Volume 2. Blagoveshchensk : JSC "Amur fair", Blagoveshchensk-on-Amur.
 7. Oglezneva, E. A. (2007). *Russko-kitajskij pidzhin: opyt sociolingvisticheskogo analiza* [Russian-Chinese pidgin: Sociolinguistic analysis]. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
 8. Onenko, S. N. (1980). *Nanajsko-russkij slovar'* [Nanai-Russian dictionary] / Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Philology and Philosophy. Ed. by A. V. Avrorina. Moscow : Russian Language.
 9. Usova, A. V. (2005). *Istorija kitajcev, man'chzhurov i daurov Zazejskogo kraja vo vtoroj polovine 19 veka* [The history of Chinese, Manchurian and Daur people of Zazeysky Krai in the second half of the 19th century]. Author's abstract of PhD in History dis. Far-Eastern Institute of Russian Academy of Sciences. Moscow.
 10. Fictionbook.ru [Electronic resource]. Retrieved from <http://fictionbook.ru/author/petr_kuzmich_kozlov/tibet_i_dalayi_lama_mertvyiyi_gorod_hara_hoto/read_online.html?page=7>.